

ЗА ПЕРЕДОВУЮ НАУКУ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

К построению марксистской «Истории древнего мира» АН СССР

«Люди никогда не отказываются от того, что уже добыли... Чтобы не лишиться добытых результатов, чтобы не потерять плодов цивилизации, люди вынуждены, как только способ их общения (commerce) между собою перестает соответствовать уже завоеванным производительным силам, изменить все традиционные общественные формы» (Маркс—Письмо к Анненкову. Собр. соч., т. V, стр. 285).

Основная мысль Маркса заключается здесь в том, что именно сохранение «добытых результатов», «плодов цивилизации» требует обязательной перестройки «традиционных общественных форм», когда они мешают дальнейшему накоплению и развитию производительных сил и добытых «плодов цивилизации». Вместе с тем Маркс подчеркивает здесь и самое значение «добытых результатов», от которых «люди никогда не отказываются». А сюда относятся не только все технические изобретения, культурные достижения и все прочие о материализованные продукты труда человеческого гения, но и вся история людей, их прошлое со всем их арсеналом мыслей, идей и теорий, которые создавались и появлялись на различных ступенях социального развития.

Насколько актуальны эти мысли Маркса, написанные им еще в 1846 г., и как прекрасно они выдерживают проверку временем, говорит современная историческая действительность.

Разве в капиталистических странах на наших глазах не происходит разрушение «добытых результатов», потеря «плодов цивилизации» именно потому, что теперь «традиционные общественные формы» капитализма не только мешают сохранению великих достижений культуры, но прямо направлены против культуры, против цивилизации, против результатов развития человечества? Разве не являются лучшей иллюстрацией к этому сжигание книг на кострах фашистской инквизиции, империалистические войны в Испании, Китае, влекущие за собою уничтожение древнейших городов, исторических памятников науки и искусства, развитие человеконенавистничества и мракобесия? Капитализм уже исчерпал свою историческую миссию, как фаза движения общества, теперь он сковывает развитие людей, мешает развитию цивилизации и направлен против культуры.

Совершенно противоположное мы видим в СССР, в Стране социализма, где разрушены «традиционные формы» капитализма и победили социалистические отношения людей, невиданные еще в истории.

Победа социализма в СССР не только создала новые формы экономической и социальной жизни, но вызвала и культурную революцию. Именно новые общественные формы, пришедшие на смену «традиционным», неизбежно должны были повлечь за собою культурное строительство, подъем цивилизации на более высокую ступень. Эта культурная революция не только создает новые ценности, она дает возможность наиболее плодотворно использовать наследство старого мира. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» (Ленин, Соч., т. XXV, стр. 387).

Поэтому социалистическая эпоха и борется не только за создание новых культурных ценностей, но и за овладение накопленными знаниями, достижениями науки и техники, искусства и литературы, той прочной базой «добытых результатов» и «плодов цивилизации» человечества, для развития которых открылись еще невиданные горизонты.

Отсюда понятно все то внимание к науке в Стране советов, которое поднимает советский народ на большевистскую борьбу за знания. Партия и правительство, заботливо развивая научную деятельность в нашей стране, создают тем самым ту основу, благодаря которой вся колоссальная созидательная работа масс по строительству социализма протекает планомерно, обосновывается теоретически, предваряется научным исследованием, серьезным изучением и точным расчетом. Вся завоеванная в прошлом культура, все достижения человеческого знания, весь мощный аппарат науки и научных учреждений—все это ставится на службу социализму, на службу народу.

Это назначение науки в Стране социализма прекрасно выразил товарищ Сталин в своем выступлении в Кремле на приеме работников высшей школы. Нам нужна такая наука, «которая не отгораживается от народа, не держит себя вдали от народа, а готова служить народу, готова передать народу все завоевания науки, которая обслуживает народ не по принуждению, а добровольно, с охотой» (Сталин).

История социалистического строительства в СССР наглядно показывает нам весь путь науки, ее перестройки, постановки ее на службу народу. Успехи социалистического строительства объясняются в значительной степени тем, что партия большевиков и советское правительство сумели на службу народу поставить науку со всем богатейшим арсеналом накопленных знаний. Всем известен тот замечательный факт, что В. И. Ленин в те дни, когда формулировал в своей брошюре «Очередные задачи Советской власти» практические вопросы диктатуры пролетариата, одновременно занимался разработкой плана научно-технических работ Академии наук. Борьба за социализм являлась у В. И. Ленина борьбой за науку, равно как борьба за науку, за историческую истину, за правду народа неизбежно превращалась у него в борьбу за социализм.

Это объясняет нам то, почему ни в одной стране не производятся такие исключительные по масштабу исследования, как в Советском Союзе. Изучение недр земли, почвы, морей и климата, исследования в области физики, биологии, медицины, в области общественных наук—археологии, истории, философии, экономики—проводятся с воодушевлением при максимальной поддержке правительства. Дальнейший подъем всего многообразия исследовательской деятельности в СССР на высоту именно такой науки, о которой в своем выступлении говорил товарищ Сталин и которая

называется передовой,—является очередной задачей. Именно в связи с этой задачей и был поставлен 8 мая с. г. отчет Академии наук в Совете народных комиссаров СССР. Как известно, Академия наук СССР является колоссальным научным организмом в стране, с массой отдельных институтов, с большим планом работ. Но эта работа еще недостаточна, она требует дальнейшей перестройки, привлечения молодых сил из кадров новых специалистов, выросших в процессе социалистического строительства.

Недостаточной является работа Отделения общественных наук Академии. Марксизм-ленинизм, единственно плодотворный научный метод, открывает огромные возможности перед нашими историками, философами, экономистами. Но академики-марксисты играют до сих пор заурядную роль и в достаточной степени ни они, ни возглавляемые ими институты по общественным наукам не отвечают непрерывно растущим запросам масс советского народа. В особенности сейчас становятся настойчивыми запросы вузов, школ, советской интеллигенции, широких масс колхозного и рабочего актива на учебники по истории, на литературу по истории нашей родины, на капитальные работы по всеобщей истории и истории народов СССР. Историческая наука страны должна ответить на все эти запросы.

Вот почему в напряженной борьбе социалистической эпохи за знания, за развитие «точного знания культуры, созданной всем развитием человечества» (Л е н и н), немаловажная роль принадлежит той когорте армии культурного фронта, которая выковывает марксистскую историю и историческую науку.

Не приходится говорить о значении этой области науки. Историческая наука ценна нам не только тем, что она раскрывает, как приобретался и умножался практический и теоретический опыт человека в борьбе за новую, более прогрессивную организацию общества, но и тем, что она вооружает человека знанием законов развития общества для сознательного применения их в борьбе за коммунизм.

Значение этой науки отмечено соответствующими постановлениями партии и правительства. Историки нашей страны всерьез взялись за создание подлинно-научной истории. Важная задача поставлена сейчас Академией наук СССР—составление многотомной «Всемирной истории», в которую шеститомником входит, как его первая серия, «История древнего мира». Задача, поставленная товарищем Сталиным о передовой науке, заставляет подойти к этому делу с исключительной серьезностью. Это относится и к такому отдаленному от нас по времени отрезку человеческой истории, как история древнего мира. Дело составления и написания многотомной «Истории древнего мира» является безусловно крупным и ответственным предприятием, ибо стоит задача всеобъемлющей систематики наших знаний по древности и обработки их с подлинно-научной, марксистско-ленинской точки зрения. Ниже мы попытаемся установить, чем была история, как наука, до сих пор, каково должно быть построение марксистской «Истории древнего мира» и как эта наука должна быть поставлена на службу народу, стать передовой.

* * *

Судьба исторической науки вплоть до нынешнего состояния ее в капиталистических странах наглядно показывает, как беспомощно человек оперирует наследством прошлого, как он иногда боится истины и бежит от исторической правды.

Советский историк прекрасно знает, что само возникновение истории еще в глубокой древности связывалось не столько с желанием дать точную картину прошлого, сколько с стремлением воспеть деяния богов, подвиги царей и героев, божественную генеалогию людей силы, власти и богатства.

Египетская «богиня истории» торжественно регистрирует военные походы фараонов, количество захваченных пленников, важнейшие события царствования. Потомству в назидание она завещает гимны только в честь «светлых» людей.

Созданная Зевсом муза истории Клио воспевала деяния богов, все созданное доблестью знатных героев и поэтому была провозвестницей только славы, которая увенчивает немногих.

На всем Востоке история, поскольку она не являлась простой регистрацией фактов, притом критически не проверенных, сводилась к истории религии, подчинялась богословским идеям.

История человечества представлялась древним, как проявление воли божества, провидения, рока. Фатум как бы заранее определяет судьбу общества и отдельных людей. *Fata scribunda*, по представлениям римлян, уже по истечении недели со дня рождения ребенка начинали руководить судьбой человека. Августин пошел дальше и развивал даже идею некоторого фатума в исторической миссии отдельных народов. Отдельные выдающиеся историки и мыслители древности—Фукидид, Аристотель, Полибий, Аппиан и др.—пытались осмыслить исторический процесс, но они не могли выйти за пределы, которые ставила им эпоха, и неизбежно разделяли иллюзии этой эпохи.

Вследствие младенческого состояния исторической науки в древности ее значение было ничтожно. На этом уровне исторического знания, естественно, не могло еще стоять ни проблемы о закономерностях социального развития, ни вопроса об учете опыта прошлого для применения к настоящему. Само знание исторического прошлого не могло иметь научного характера, не возбуждало широкого интереса, не имело воспитательного значения и было почти целиком во власти богословов, риторов и просто любителей-дилетантов. Этим объясняется тот факт, что истории как самостоятельной дисциплины, как предмета преподавания, до самого XIX в. вовсе и не существовало.

Античная школа не знала истории в системе обучения и, кроме математики, философии, риторики и гимнастики, ничего вообще знать не хотела.

Великие мыслители и ученые древности—Демокрит, Аристотель, Теофраст, Варрон и др.—были энциклопедистами, изучавшими все отрасли знания. Но школьное преподавание не интересовалось ни естествознанием, ни историей. Для школы история была родом красноречия, искусством драматизации исторических событий путем напыщенной риторики. Такому отношению к истории способствовали и сами историки.

Знаменитый «отец истории» Геродот менее всего намеревался дать верную картину исторических событий, о которых сам писал: «Правда ли это, я не знаю; но что говорят, то и пишу» (II, 123). Об этом уровне истории хорошо говорят античные писатели, из которых Плутарх пишет «О злостности Геродота», Аристотель называет последнего «мифологом», Авл Геллий—«*homo fabulator*», Ктесий—лжецом, а Лукиан даже уготовил Геродоту место в аду за его ложную историю. Вряд ли, конечно, это может в какой-либо степени послужить для недооценки Геродота, ибо ведь другие-то античные историки не всегда были лучше «отца истории».

Известно, что Лукиан, ввергнувший Геродота за ложь в преисподнюю, сам рекомендовал исследовать у историков не то, что они говорят, а как они говорят, их риторику. Может быть, еще самокритичнее был Сенека, который в своих «Естественно-исторических вопросах» рекомендовал другим, как и себе, поступать, как «историки», «много сочиняющие на свой страх и риск, но не желающие что-либо доказывать» (*Quaest. nat.*, IV, 3, 1).

В античности на историю обычно смотрели не как на науку, а как на область риторических упражнений. «*Historia est opus maxime oratorium*», — говорил Цицерон (*De orat.*, II, 62).

В средние века развитие истории сковывается рамками теологии, исходным пунктом которой была библия.

История в эпоху средневековья превратилась в служанку богословия и была подчинена доказательству непреложности «истин» священного писания. Всякая попытка правильно взглянуть на историю объявлялась ложью, внушенной дьяволом. Господство теологии позднее не только разрушало приобретенные ранее исторические знания, но и вело к фальсификации истории. Разве только фашистская Германия может конкурировать с средневековьем по количеству подделок истории и документов. Напомним только общеизвестные в истории подделки, как «дарение Константина», на которое опирались притязания римских пап на светское господство в Италии, и «Лже-исидоровы декреталии», которыми папы обосновывали свои права на господство во всей христианской церкви. При этих условиях средние века в области исторического исследования не шли дальше составления хроник.

Школа на всем протяжении средних веков, как и в античности, не знала преподавания истории, как самостоятельной дисциплины. Как служанка богословия, она лишь потом стала входить, и только своими некоторыми элементами, в те семь свободных искусств (*septem artes liberales*), изучением которых и замыкалась средневековая школа. Как известно, и в «тривиуме» (грамматика, риторика и диалектика) и в «квадриуме» (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) места для истории не было.

Даже в эпоху Возрождения экскурсы в область истории, в связи с изучением античных рукописей, древних языков, не идут далее изучения смены династий, составления каталога царей и заучивания голых хронологии различных, преимущественно военных, событий. Судьба науки постепенно переходила в руки филологов, включавших историю в ведомство грамматических наук. Строятся даже исторические схемы, основанные, главным образом, на изучении судьбы «мирового» латинского языка (например у Целлария в XVII в. — исторические эпохи «золотой», «серебряной» и «железной» латыни).

Некий сдвиг в развитии исторической науки наступил вместе с периодом буржуазных революций, начинавших борьбу против средневекового строя и старых теорий. Резкой критике подверглись и старые методы изучения истории. Реакция наступила и против прежнего увлечения древностью. «Зачем отдавать столько времени древним языкам и басням», — говорит Декарт. Древность, с его точки зрения, уже теряла актуальность. Против средневековых методов изучения древней истории с ее каталогами царей выступил и другой ученый начала XVIII в., Боленброк, человек необычайно тонкой иронии и большого ума. «Я готов лучше смешивать Дария Кодомана с Дарием Гистаспом, — писал он, — и про-

виниться в стольких хронологических ошибках, сколько когда-либо делал еврейский хронолог, чем тратить полжизни на то, чтобы собрать весь ученый хлам, наполняющий голову знатока древностей». О сущности старого изучения истории хорошо в начале XVIII в. сказал аббат Перро: «Чем занимаются в гимназиях?—Гимназии содействуют только обогатрению древних; там только и делают, что хвалят классиков, а потом уже действуют привычка».

Развитие новых, буржуазных отношений отразилось в области идеологии в появлении рационалистических идей в результате роста индивидуального сознания, личной предприимчивости собственника, владельца капитала. Буржуазия в ее борьбе против феодализма пересматривала старые исторические концепции, в особенности в области древней истории, где особенно прочно держались старые традиции. Здесь идеологам старого порядка легче было проводить реакционные взгляды, чем в преподавании новейшей истории, которая творилась у всех на глазах. Другое дело—древняя история; здесь политические установки труднее поддаются контролю. Учитель здесь был полным хозяином. От ловкости его рук, от хитрости его ума здесь многое зависело. Прославляя древних царей, риторы или философов, можно было внушать враждебные новому режиму идеи. И когда буржуазия приходила к власти, она не могла не обратить на это внимание. При помощи своих видных теоретиков она устроила известного рода поход против старого преподавания древней истории. Во всяком случае любили повторять то, что об изучении древней истории сказал еще Джамбатиста Вико: «В древней истории не будет ошибок в том случае, если рассказывать эту историю будет человек, сам участвующий в современном деле». Было совершенно ясно, что речь идет далеко не о каких-нибудь хронологических ошибках. Ставился вопрос о борьбе со старым освещением истории.

«Все старые общественные и государственные формы, все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам» (Энгельс—Анти-Дюринг. Соч., т. XIV, стр. 12). Были провозглашены «вечные истины», в которых идеализировалась сущность буржуазного строя. Классовая буржуазная мораль была объявлена «вечной нравственностью», и с ее точки зрения оценивалось прошлое человечества. Не приходится говорить, что такой подход к истории прошлого создавал такое именно «морализирование», которое стремилось к извлечению уроков из прошлого, к защите новых буржуазных норм общественной жизни, к формированию буржуазной теории исторического познания. Для класса, пришедшего к власти на смену господству феодалов, это имело большое практическое значение. «Мораль» становится предметом преподавания. В 1802 г. во Франции вводился следующий круг предметов в школе: «В гимназиях должны преподаваться древние языки, риторика, логика, мораль и начатки наук математических и физических» (§ 10 закона 1802 г. о лицеях). Впервые вводившаяся «мораль» должна была стать азбукой буржуазной политграмоты, бороться со старой моралью феодального общества. Эта «мораль» давалась на исторических примерах прошлого и явилась своего рода суррогатом древней истории.

Таким образом, хотя во Франции после буржуазной революции и ощущалась необходимость введения в школы преподавания истории, однако истории, как самостоятельной школьной дисциплины, еще не существовало. Как известно, потребовалось еще 12 лет, чтобы история была введена в школу, хотя и в весьма своеобразной форме. В 1814 г. было пред-

ложено вести в школе получасовые занятия по истории «по вечерам от 1 апреля и до вакансий» (§ 129 закона 1814 г.). Наконец, в 1818 г. последовал декрет о введении новых предметов—истории и географии. Преподавание истории вверялось отдельному преподавателю или его особому помощнику («*agregé spécial*» в § 5 закона 1818 г.).

Только с XIX в. овладение историческими знаниями прошлого мыслится не в форме уже риторического искусства, морализирующих сентенций и составления генеалогических таблиц царей, а в форме специального, самостоятельного и, главное, сознательного изучения прошлых культур, их достижений.

Историческая наука в XIX в. строится заново. Богатое наследство исторических трудов древности и средневековья подвергается всестороннему критическому изучению. Оно не воспринимается, как достойный подражания образец, а лишь как ценный материал, который нуждается в проверке, в освобождении от искусных прикрас риторика, тенденциозности философа, теологических наводнений богословов и излишнего вдохновения поэтов.

Солидный шаг в деле переработки материала древней истории с целью освобождения его от феодально-теократической одежды был сделан Нибуром по Риму и Гротом по Греции.

Маркс и Энгельс хорошо знали их и в особенности занимались работой Грота, которой посвятили ряд критических замечаний. Характерно, что центр внимания Грота в изучении истории Греции переместился. Раньше в истории древней Греции выдвигалась Спарта с ее аристократическим строем, с тем землевладельческим классом во главе, который импонировал феодальной знати и ее придворным историкам. Так было у Митфорда, современника Французской революции, специально использовавшего спартанские образцы в качестве «исторических» аргументов против Французской революции. У Грота, наоборот, превозносились Афины, демократические движения, что делает автора «адвокатом афинского демоса». Банкир, парламентский деятель, либерал по убеждениям, Грот выступал в начале XIX в. за принципы «свободной торговли», за развитие буржуазной демократии и старался эти принципы отыскать и в древности. И материал для этого давали Афины, а не Спарта.

Двенадцатитомная «История Греции» Грота свидетельствовала не только о развитии исторических знаний, но и о том, как историческая наука в университетах буржуазной Европы отражала собою развитие буржуазной идеологии.

Лучше, чем в какой-либо другой работе, это нашло свое выражение в знаменитой «Истории Рима» Моммзена, которая явилась своего рода политическим трактатом в Германии 50-х годов. Известно, что идеализация Цезаря у Моммзена служила целям «власти сильного человека», политики Бисмарка, который в образовании Германской империи 1871 г. должен был бы сыграть роль Цезаря.

Хотя сам по себе труд Моммзена и свидетельствовал о колоссальной исследовательской работе автора, о переработке исключительного по объему исторического материала, наконец, о том, что история встала действительно на научные рельсы, однако было ясно на примере «Истории Рима» самого Моммзена, что буржуазная наука не может дать объективного, подлинно-научного освещения исторического прошлого. Недаром еще Маркс заметил, что автор «Истории Рима» готов был даже в Риме и Карфагене открыть капитализм.

Такое модернизаторское извращение истории древности категориями капитализма с целью апологии последнего и доказательства его извечности характеризует и последующие работы Белоха, Пельмана, Мейера, Ростовцева и др.

Интересно, что сами представители буржуазной науки иной раз не скрывали того, что они выполняют социальный заказ своего класса. «Современность историка,—пишет Э. Мейер,—есть тот момент, который никоим образом не может быть изъят из исторического изложения». Самая тема древней истории, ее «выбор покоится,—по словам того же Мейера,—на интересе, проявляемом современностью к какому-либо действию или результату развития». Сам автор приводимых слов сумел показать это с отчетливостью, когда в начале мировой войны он оставил древнюю историю и занялся... исследованием социально-политического строя Англии. Это было своеобразным ответом на неожиданность выступления Англии против Германии в 1914 г.

Так создавалась историческая наука на Западе. Колоссальная работа по открытию документов, их публикации и переработке в плане исторической реконструкции прошлого сочеталась с подчинением ее узким классовым задачам буржуазии: «Найти в истории прошлого масштаб, приложимый к новейшему ходу развития» (Э. Мейер).

Было бы неправильно думать, что историческая наука в период прогрессивного развития буржуазии не сыграла положительной роли. И Грот и Моммзен не только переработали, систематизировали и публиковали колоссальный материал источников, но и своими историческими концепциями древности старались обеспечить прогресс современности, развитие буржуазных отношений. В этом и только в этом смысле на данном этапе буржуазная наука приближалась к познанию действительности. Так было, пока буржуазия являлась прогрессивной. Но последующее существование буржуазии, когда она исчерпала свою историческую миссию, направлено против истории именно потому, что против нее выступает сама история.

Буржуазия не может приближаться к пониманию объективной действительности, ибо последняя выступает против нее. Научная историческая правда говорит о неизбежной гибели капитализма, и партийный интерес буржуазной науки требует извращения этой исторической истины.

Именно с этим связаны отказ буржуазной науки от исторического исследования, фашистская фальсификация истории или даже прямой поход против исторической науки, против объективного исследования прошлого. «История,—пишет фашиствующий историк Поль Валери,—самый опасный из всех продуктов, вырабатываемых в химической лаборатории нашего ума. Она побуждает к мечтаниям, она опьяняет народы, она пробуждает у них ложные воспоминания, преувеличивает их рефлексы, растрavляет старые их раны, лишает их покоя и ввергает в мании—величия или преследования».

Не приходится говорить, что в борьбе против исторической науки, это—последнее слово умирающего класса.

Такова судьба исторической науки при капитализме. Только пролетариат, интересы которого совпадают с тенденциями исторического процесса, создает подлинную историческую науку, правильную точку зрения на процесс познания объективной действительности. Путь к подлинно научному изучению истории, «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса», указал

К. Маркс. «Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» (Ленин—Карл Маркс. Соч., т. XVIII, стр. 13). На научных собраниях и конференциях, прошедших недавно в связи со 120-летием со дня рождения К. Маркса, представители советской общественности и советской науки с чувством глубочайшего уважения и благодарности отмечали мировое значение жизни и трудов этого гиганта мысли и великого революционера. Маркс не только «открыл закон развития человеческой истории» (Энгельс), но и дал нам бессмертные образцы конкретно-исторического исследования. В частности, Маркс, прекрасно знавший и непрерывно изучавший древние общества и их культуру, оставил нам ценнейшие указания для понимания всех этапов и периодов древней истории человечества—от Индии до «державы Рюриковичей», от первобытно-коммунистического общества до расцвета и гибели античных государств. В известной мере по инициативе и указаниям Маркса написана классическая работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая для историков древнего мира дает исключительной научной ценности указания для дальнейшего исследования. На громадном материале, собранном до Энгельса, и в частности Морганом, Энгельс путем его исследования сформулировал законы развития первобытного общества, исторические условия происхождения классов и государства, те закономерности развития античного мира, которые привели к образованию феодальной Европы, этой необходимой ступени для последующего развития европейского капитализма. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина мы имеем блестящие образцы исторических исследований, в свете которых историки-марксисты получают возможность ясно видеть прошлое человечества и творить новое общество. Марксизм—руководство к действию. В героической борьбе за социализм, в созидательной работе по строительству нового общества рождается объективная истина, всеми ныне осязаемая и являющаяся практическим достоянием народов одной шестой части мира,—социалистическое общество в СССР. На практике революционной борьбы за социализм проверена и оправдана подлинно-объективная, марксистско-ленинская правда. Эта правда говорит о неизбежной гибели капитализма и о победе социализма во всем мире. Борьба за социализм, против капитализма, есть вместе с тем борьба за историческую правду, за подлинное, за действительно научное освещение прошлого человеческой истории.

* * *

Однако было бы неправильно полагать, что в деле создания подлинной, марксистско-ленинской исторической науки совершенно отпадает весь запас человеческих знаний, накопленных от Геродота и до наших дней, в области изучения прошлого.

Буржуазная историография необычайно обогатила технику исторического исследования. Создались новые специальные дисциплины (эпиграфика, нумизматика, палеография и т. д.), без знания которых невозможна работа ученых в области древней истории. Изданы исключительной научной значимости своды надписей, публикации археологического, нумизматического материала и т. д. Наконец, в деле создания научной систематики различных источников достигнут значительный прогресс, ибо даже при буржуазном освещении отдельных проблем истории древнего мира ученые силой вещей должны были развивать и оттачивать приемы техники исторического исследования. От этих приобретений марксизм никогда не отказывался и включает в свою науку «прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме» (Л е н и н, Соч., т. XXV, стр. 387).

Это ни в какой мере, однако, не меняет отношения марксистов к науке буржуазных ученых, поскольку последние не исследуют и не могут исследовать закономерности исторического процесса, дать научные понятия о законах развития общественных явлений, о прошлом для правильного действия в настоящем. «Их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала» (Л е н и н, Соч., т. I, стр. 61).

Поэтому отношение марксизма к буржуазной исторической науке характеризуется критическим усвоением положительных знаний и отрицательным отношением ко всем беспомощным или прямо фальсификаторским построениям развития общества на той или иной его ступени.

Лучше всего это выразил Ленин, когда он писал: «Одно дело—не закрывать глаз на буржуазную науку, следя за ней, пользуясь ей, но относясь к ней критически и не поступаясь цельностью и определенностью миросозерцания, другое дело—пасовать перед буржуазной наукой» (Соч., т. III, стр. 500, прим. 3).

В деле составления «Всемирной истории», равно как и любого учебника истории, это указание Ленина обязывает советского историка к весьма многому, ибо во «Всемирной истории» и в любом нашем учебнике истории необходимо и отразить критическое преодоление завоеванных при капитализме положительных знаний по истории и в то же время дать впервые опыт построения мирового исторического процесса по всем странам и эпохам на подлинно-научной, марксистской основе.

Из вопросов, которые непосредственно стоят перед историками в деле написания первой серии «Всемирной истории», посвященной как раз «Истории древнего мира», встает ряд как общих, так и частных вопросов исторического построения такой серии.

Некоторые из них уже подвергались обсуждению в Академии наук СССР, на которую возложено издание «Всемирной истории».

К этим вопросам построения относятся: характер издания; периодизация как в рамках «Всемирной истории», так и в серии шеститомника по древней истории; включение в историю древнего мира народов, истории которых мало уделялось внимания; распределение материалов, при котором экономический базис и политические и идеологические надстройки даны были бы в соответствующей пропорции частей; учет достижений советской историографии по древней истории. Главное, необходимо, добываясь, путем применения марксистского метода, подлинно-научного, объективного изложения, вместе с тем дать отпор фашистской фальсифи-

кации древней истории. С этой точки зрения, серия «Истории древнего мира» должна стать выражением силы и мощи марксистского исторического знания, показом падения буржуазной исторической науки и боевым разоблачением фашистских фальсификаций в области истории.

Здесь не место останавливаться на всех этих общих вопросах. В применении к серии «Истории древнего мира» они должны быть обсуждены специально на страницах нашего журнала.

Но уже теперь становятся ясными линии, по которым надлежит разрешать все эти вопросы.

Прежде всего, совершенно понятно, что шеститомник по древней истории не должен быть построен по типу учебника для высших учебных заведений. Задача написания такого учебника весьма важна, но серия «Истории древнего мира» не может и не должна подменить эту особую задачу.

Данное издание мыслится, как концентрированный свод наших знаний по истории древнего мира на основе марксистско-ленинской методологии. Этот свод исторических знаний должен дать ответ любому читателю по основным вопросам и в основных их плоскостях (хронологической, историографической, социально-экономической, культурной истории и т. д.).

Ясен и вопрос о периодизации древней истории. В буржуазной науке на этот счет царит полная путаница. Энциклопедические издания Анри Бера (*L'évolution de l'humanité...*), Глоца (*Histoire générale*), серия «Кембриджской истории» (*Cambridge Ancient History*), «Народы и цивилизации» Альфана и Саньяка (*Peuples et civilisations*) и др. придерживаются самых различных вариантов периодизации. В основе нашей периодизации лежит принцип развития социально-экономических формаций. Рабовладельческие общества древности должны составить основное содержание нашей серии, причем хронологические рамки будут простирались от первобытного общества и до ликвидации рабовладельческих обществ в связи с революцией рабов и завоеванием Римской империи кельтскими, германскими, славянскими и другими «варварами».

Буржуазная теория «классического» Востока, связанная с европоцентрической точкой зрения на историю, получит отпор в марксистском построении истории Востока. И Индии и Китаю будет отведено соответствующее место. В греческой истории займут свое место Спарта, Беотия, Фессалия, Крит. В римской—Испания, Галлия, Малая Азия и т. д. •

Одной из задач марксистского построения шеститомника по древней истории является ликвидация социологизма, связанного с антиленинскими тенденциями «школы» Покровского.

Историки-марксисты прекрасно знают, что наряду с мобилизацией богатого и красноречивого материала древности им придется формулировать основные выводы о закономерностях исторического развития, но это не должно быть оторвано от исторического материала; конкретный анализ не должен быть подменен абстракциями. «Абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, ничего не стоят» (Маркс, Соч., т. IV, стр. 17). Написать гражданскую историю во всех ее опосредствованиях, с описанием важнейших и красочных событий в области социальной и культурной—такова задача.

Особенно ответственной задачей в этом плане становится изучение и изложение социальных движений в древности, что по понятным причинам не могло занять своего места в буржуазной историографии. И в этом случае надо руководствоваться высказанными в свое время указаниями В. И. Ленина. «Марксизм отличается... замечательным соединением полной

научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс» (Соч., т. XII, стр. 32.—Разрядка наша. А. М.). Советская историография имеет некоторые достижения в изучении социальных движений древности, и это, несомненно, должно быть учтено.

Советский ученый в серии «Истории древнего мира» безусловно отведет соответствующее место исследованию тех очагов античной культуры, которые создавались на территории СССР в древнейшую эпоху. Как известно, на юге СССР, на северо-восточном побережье Черного моря, еще в глубокой древности сложились такие вошедшие в историю античности государственные образования, как Ольвия, Херсонес, Боспор и т. д. Эти античные колонии, выраставшие в целые города-государства, существовали и развивались параллельно расцвету древних Греции и Рима. Безусловно, что культура этих античных городов-государств на юге СССР принимала своеобразные формы, определявшиеся местными культурно-историческими условиями.

Учесть это звено античной культуры, являющееся неотделимой частью не только древней истории народов СССР, но и истории античного мира, и найти этому звену надлежащее место в общем построении «Истории древнего мира»—безусловно важная задача для советского историка.

Особое место в историческом построении должен занять вопрос об освещении истории религий и развития атеизма. Объективное изучение роли религий в древности, как способа наивного восприятия мироздания, должно, вместе с тем, показать религию, как усыплявший массы дурман, как одно из орудий эксплуатации трудящихся. Например, в отношении христианства историк-марксист обязан показать специфику христианства, которое в известном смысле должно было «стать одним из самых революционных элементов в истории человеческого духа» (Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 419), и, вместе с тем, показать реакционную роль христианства, как опиума народа, объяснить, почему христианская церковь должна была развиваться и неизбежно стать сложным аппаратом одурманивания масс и их эксплуатации.

• Антирелигиозное воспитание масс на примере изучения исторического прошлого—одна из важнейших задач историков древности.

Заключительная часть шеститомника «История древнего мира», посвященная революции рабов, вторжению варваров и падению Римской империи, является наиболее актуальной и с научной и с политической точки зрения. Известно, как фашистские «историки» подвизаются на этой тематике со своими антинаучными теориями, сущность которых сводится в основном к тому, что, дескать, только «чистая кровь» германских варваров сохранила и передала Европе «античную цивилизацию». Превознесение «германского элемента» сопровождается обычно у фашистских борзописцев явным принижением других народов, как, например, кельтских, славянских и др., которые выдаются за «низшие расы». Историк-марксист должен дать отпор этому фашистскому мракобесию и путем привлечения материала и всестороннего изучения заключительного этапа Римской империи показать роль всех народов-«варваров», которые объединились с восставшими рабами и колонами и с громом опрокинули Рим. Особенно для нас интерес представляет изучение роли галлов, ранее всех других поднявшихся против Рима (восстание багаудов) и в дальнейшем своем

развитии заложивших начало своей государственности и культуре великого французского народа.

Товарищ Сталин на XVII съезде партии говорил о том, как фашисты третируют славян. Поэтому отпор фашистским «историкам» должен быть дан и путем вскрытия исторической роли древних славян, изучения их роли в судьбе Восточноримской империи. Кстати сказать, старогерманская наука не страдала третированием славянства и в лице некоторых своих важнейших представителей (Фальмерайер) устанавливала большую роль славянских варваров в образовании Византии и ее культуры. Поэтому современные фашистские фальсификации насчет славян можно разоблачить путем привлечения не только источников, но и соответствующих ссылок на работы старых немецких же ученых.

Во всяком случае, вопрос о древних славянах, из которых вышел и великий русский народ, должен занять по праву соответствующее место в заключительной части шеститомника.

Все издание «Истории древнего мира» должно быть подчинено задаче показа исторического прошлого, культурных завоеваний человечества, отдельных красочных эпизодов героической борьбы угнетенных за свободу, ученых—за знание, за культуру против невежества и мракобесия. Такое изложение будет встречено с интересом; оно, несомненно, будет иметь для советского народа большое образовательное значение и послужит целям коммунистического, интернационального, антирелигиозного воспитания граждан Советского Союза.

При создании нашей «Истории древнего мира» должны быть объединены старые и молодые силы историков античности, сломлены закоренелые традиции, выработаны «новые нормы, новые установки» (Сталин).

Существует ряд отдельных и специальных вопросов построения марксистской истории древности. И в одном из следующих номеров нашего журнала они будут подвергнуты детальному обсуждению.

Но уже сейчас мы можем сказать, что издание «Всемирной истории» и ее первой серии мобилизовало историков-марксистов на это большое и почетное дело. На языке промышленности или сельского хозяйства такие предприятия называются ответственной стройкой ответственного комбината. На нашем историческом фронте эта стройка будет проходить в свете тех указаний партии и правительства и лично вождя народов товарища Сталина, которые по этому вопросу были даны советским историкам.

Советские историки всех специальностей полны сознания ответственности порученного им дела. Они объединятся, ликвидируют последствия вредительства на историческом фронте, разоблачат до конца всех фашистских выродков, пробравшихся на их участок работы, и дадут подлинно-научное марксистское изложение истории прошлого.

«Задача материалистов—правильно и точно изобразить действительный исторический процесс» (Ленин, Соч., т. I, стр. 81).

За передовую науку, науку для народа!

А. Мишулин

